

менталитет провинциального портрета способствует тому, что даже детская модель выглядит чрезмерно серьезной, статичной и напряженной.

В пределах одной провинциальной портретной галереи мы видим визуальное подтверждение тех процессов, которые происходили в изменении личностного самосознания в среде русского дворянства на протяжении второй половины XVIII – начала XIX вв. В период, когда был создан «Портрет А.А. Вяземского» (1770-е гг.), личностью во всех ее проявлениях преимущественно осознавал (или начинал осознавать) себя взрослый представитель русского дворянства «мужеского пола». В 1830-е гг., когда был написан «Портрет В.И. Вяземской», проявления глубокой, с большим духовным потенциалом личности все больше прослеживаются в женских и детских портретах. Полотна портретной галереи Вяземских из усадьбы Воскресенское, как и сотни других провинциальных портретов, являются живописной фиксацией тех сложных личностных и психологических процессов, которые происходили в русском обществе периода правления Екатерины II и Александра I.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Костромская усадьба / Т.В. Йенсен, И.Ю. Кондратьева, Д.Б. Ойнас [и др.]. – Кострома, 2005.
2. Музеи Костромской земли: альбом / авт. и сост. В.Н. Лебедева. – Л. : Художник РСФСР, 1985.
3. Резепин П.П. Галичские Вяземские // Романовские чтения. Центр и провинция в системе Российской государственности: материалы конференции. – Кострома, 26–27 марта 2009 г. / сост. и науч. ред. А.М. Белов, А.В. Новиков. – Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009.
4. Государственная Третьяковская галерея: каталог собрания. Живопись XVIII века / под общ. ред. Я.В. Брука и Л.И. Иовлевой. – М. : Красная площадь, 1998. – (Серия «Живопись XVIII – XX веков»). – 2 т.
5. Карев А.А. Классицизм в русской живописи. – М. : Белый город, 2003.
6. Марасинова Е.Н. Идеологическое воздействие политики самодержавия на создание элиты российского дворянства второй половины XVIII века (По материалам законодательства и переписки): автореф. дис... д-ра истор. наук. – М. : Ин-т российской истории РАН, 2008.

ON THE PROBLEM OF REPRESENTATION OF PERSONALITY IN THE PORTRAITS OF THE VYAZEMSKYE-GUSEVS FROM THE NOBILITY MANOR VOSKRESENSKOYE, GALICH DISTRICT, KOSTROMA PROVINCE

O.V. Rumyantseva

The article deals with the portraits of the Kostroma nobility representatives of the Vyasemskiye-Gusevs. The portraits originate from the nobility manor Voskresenskoye, Galich District, Kostroma Province. The narrative is of interest to local historians and the researchers of the Russian nobility manors' history.

Portrait, nobility manor, attribution, province, artistic manner.

Статья поступила 16.04.2011

УДК 908.929

КРАЕВЕДЕНИЕ В ЖИЗНИ КОСТРОМСКОГО КУЛЬТУРНОГО ГНЕЗДА

(конец 1950-х – 1970-е гг.)

Л.И. Сизинцева

Понятие «краеведение» в нач. XX в. обозначало комплексное изучение территории. Одним из проявлений этого подхода был метод исследования «областных культурных гнезд», предложенный Н.К. Пиксановым в начале 1910-х гг. При рассмотрении Костромы конца 1950–1970-х гг. можно установить, что значительная роль в культурной жизни отводилась разностороннему изучению прошлого и настоящего края. Исследование позволяет дополнить концепцию Н.К. Пиксанова еще одним типом взаимоотношения между центром и культурным гнездом: культурная жизнь места обогащается за счет провинциалов по происхождению, которые прошли обучение в столичных вузах.

Культурное гнездо, Кострома, краеведение, «оттепель», «застой».

Сегодня понятие «краеведение» в первую очередь ассоциируется с историческим направлением в познании места. Между тем изучение топоса в краеведении 1910–1920-х гг. тяготело

к комплексному, синтетическому подходу. Одним из проявлений этого подхода был метод исследования «областных культурных гнезд», предложенный Н.К. Пиксановым в начале 1910-х гг. и развитый в 1920-х гг. Он обращался к литературному обиходу как к факту культурной практики, предполагающей передачу живой традиции и ее творческое развитие. В ходе этого диалога, по мнению Пиксанова, происходит становление «носителей культуры» данного центра.

Ученый ограничивал приложение своего метода литературным кругом. Но сегодня очевидно, что его метод можно использовать как инструмент для исследования культурной жизни места в более широком смысле, не расчленяя деятельность человека на изолированные направления общественной, научной, литературной, просветительской и т.п. деятельности. Метод Н.К. Пиксанова позволяет учитывать косвенное влияние личности на всю атмосферу культурного гнезда, в какие бы рамки оно ни вписывалось – края, города, села...

В 1928 г. вышла книга П.К. Пиксанова «Областные культурные гнезда» [11], содержащая размышления о способах создания местной культурной традиции. Там наметились признаки, позволяющие приступить к классификации культурных гнезд, в основу которой были положены взаимоотношения культурного гнезда со столичным центром: 1) влияние областного гнезда проявляется в столичной культурной жизни; 2) влияние столичных деятелей культуры проявляется в жизни областного культурного гнезда; 3) областное гнездо самодостаточно и никак не соотносится со столицами.

Именно в этой книге Н.К. Пиксанов определяет основные признаки культурного гнезда: «Культурным гнездом назовем не механическую совокупность культурных явлений и деятелей, но тесное единение их между собою, некоторое органическое слияние» [11, с. 62–63.]. «Культурное гнездо в собственном, точном смысле слова должно обладать ... тремя постоянными признаками: определенный круг деятелей, постоянная деятельность, выдвижение питомцев» [11, с. 62–63.].

Сегодня мы опять возвращаемся к определению культуры как деятельности, а не совокупности ее результатов. И потому неизбежно, вслед за Н.К. Пиксановым, обращаемся к деятелям, которые взаимодействуют друг с другом в определенном месте. В данном случае – в Костроме конца 1950-х гг. При этом краеведение неизбежно включает различные стороны знания о крае. Даже желание и умение разглядеть местных авторов, соотнести их с общелитературным уровнем, отследить все новое и свежее на местном небосклоне; умение сформировать вокруг себя «определенный круг деятелей», не только литературных, – все то, что сделал И.А. Дедков для Костромы, имеет отношение к краеведению. И есть свойство, которое для этого круга было характерно: «губернские небеса» для них всегда были частью вселенской ноосферы.

Обилие историко-краеведческой информации в статьях И.А. Дедкова во многом объясняется присутствием в этом кругу В.Н. Бочкова (1937–1991). Выпускник столичного историко-архивного института, он приехал в Кострому через два года после И.А. Дедкова, в 1959 г. Виктор Николаевич вспоминал: «Первый мой костромской знакомый был Игорь Дедков, он работал в «Северной правде» литсотрудником, а я приносил туда свои материалы уже в первые годы работы, и мы познакомились. <...>. Через Игоря Дедкова я познакомился с преподавателями пединститута Скатовым, Цанн-кай-си и Пьяных, стал бывать у них. Кроме того, однажды приехал в Кострому искусствовед Сережа Есин, знакомый по Москве. <...>. Он познакомил меня с костромскими художниками – сначала с Шуваловым, через Шувалова я с Румянцевым познакомился...» [4, с.14]. К этому списку можно добавить и художника Е.В. Радченко, за оригинальным творчеством которого Виктор Николаевич следил до конца своих дней.

Всех этих молодых людей объединял поиск собственной позиции, новых путей, неприятие господствующего догматизма. Каждый в своей области, они отстаивали право идти своим путем. «Архивный юноша» Бочков добавлял ещё один вектор поиска – в прошлое, которое старательно заставляли забыть.

Когда в Костроме отчетливо обозначились новые веяния, названные позже «застоем», В.Н. Бочков предпочел перебраться в музей-заповедник Щельково. Там ему удалось собрать свой круг творческих людей, который пополнили выпускники московских вузов О.Б. Мраморнов, Г.А. Анищенко и др. В качестве столяра им был принят на работу участник демонстрации протеста против ввода советских войск в Чехословакию К.И. Бабицкий. «Компетентные органы» приложили усилия к удалению В.Н. Бочкова из Щелькова. После долгих мытарств он получил место сотрудника сектора памятников истории и культуры областного управления культуры, где и работал до тех пор, пока болезнь не вынудила его оставить службу.

Но культурный горизонт Костромы конца 1950-х не исчерпывался кругом И.А. Дедкова. 1959 г. стал во многом знаменательным для костромского краеведения так же и потому, что именно в этом году в Кострому, независимо друг от друга, приехали еще две замечательные личности: А.А. Григоров и Е.В. Кудряшов.

А.А. Григоров (1904–1989), уроженец Кинешемского уезда Костромской губернии, потомок старинного дворянского рода, вернувшийся в бывший губернский город после многолетних лагерных отсидок. Еще пять лет он трудился скромным бухгалтером хладокомбината, и лишь во второй половине 1960-х гг., выйдя на пенсию, занялся генеалогией дворянских родов [12, с. 85–94]. А.А. Григоров был старшим из приехавших и единственным, не получившим специального гуманитарного образования. На первых порах помощь в освоении азов архивного поиска оказывал ему В.Н. Бочков.

Ближайшие полтора-два десятилетия «принадлежали» людям следующего поколения, по странному совпадению (совпадению ли?) родившимся по времени очень близко, в 1936–1938 гг. В том же 1959 г. в Кострому приехал педагог-филолог Е.В. Кудряшов (1936–1985). Позже, в 1960-х, вернулись в Кострому учительствовавшие в райцентрах А.В. Кильдышев (1937–1970) и В.Я. Игнатъев (1938–1999). В 1964 г. все трое поступили в Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, стали искусствоведами, их судьбы были связаны с реставрацией памятников истории и культуры.

Наиболее талантливый из них был, по мнению многих, А.В. Кильдышев. Единственная из законченных его работ, посвященная фрескам церкви Воскресения на Дебре, была написана во время его учебы в институте и опубликована посмертно [5]. С именем страстного пропагандиста и оратора В.Я. Игнатъева, выпускника филфака Днепрпетровского университета, приехавшего в Кострому в 1963 г., связывают открытие работ Григория Островского и Ефима Честнякова [12, с. 231–234].

Е.В. Кудряшов, выпускник Калининского института иностранных языков, по окончании Репинского института написал диссертацию, значительная часть которой была посвящена костромской архитектуре XVII в. [7]. Наряду с обследованием памятников архитектуры Костромской области, он, по свидетельству В.Я. Игнатъева, «предполагал провести архитектурно-историческое исследование улиц Костромы в древней, исторической части застройки» [3].

К этому можно добавить, что собранные материалы и ряд неопубликованных исследований были переданы вдовой искусствоведа в ГАКО, некоторые из них изданы [8]. Многие наработки искусствоведа легли в основу паспортов, составленных на памятники архитектуры Костромы и хранившихся в архиве органов охраны и реставрации памятников при костромском управлении культуры. После его смерти в 1990-х гг. материалы этих документов были частично опубликованы под своим именем Н.А. Зонтиковым без ссылки на автора [2]. Во второй половине 1990-х результаты исследований Е.В. Кудряшова стали основой для издания материалов Свода памятников архитектуры и монументального искусства России [10].

История искусств, охрана памятников стали площадкой, объединившей усилия людей разных поколений. Здесь были люди старшего возраста: К.Г. Тороп и И.Ш. Шевелев [12, с. 175–184, 243–252]. Сегодня легко объяснить, почему именно краеведение и охрана и реставрация памятников стали полем битвы за прошлое. Во-первых, местная история, в отличие от «большой науки», касается информации, непосредственно связанной с человеком, «повседневной историей», что в ту пору классового подхода отнюдь не приветствовалось. Ведь человек, с точки зрения официальной историографии, был лишь винтиком в той череде грандиозных формационных сдвигов, и все, что с ним происходило, казалось незначительным. Во-вторых, на уровне микроистории пропадает резко контрастное деление на черное/белое (вернее, красное/белое), становятся видны не только различные краски спектра, но и полутона. Да и вообще – в этом уровне уже видны конкретные люди, с их заботами, радостями и горестями. С их судьбами, наконец, ломавшими все официальные упрощенные схемы.

Именно это внимание к человеку, ныне живущему или давно ушедшему, его интересам и ценностям, обеспечило краеведению особую роль в культурной жизни Костромы эпохи «оттепели», оно же, перейдя в «подполье», способствовало выживанию культуры в годы «застоя». В годы перестройки оно пробилось подъемом краеведческой активности учеников тех, кто исследовал прошлое и настоящее края в конце 1950–1980-х гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григоров А.А. Из истории Костромского дворянства / сост., вступит. ст. и примечания Н.А. Зонтикова. – Кострома, 1993.
2. Зонтиков Н. Храм на Городище // Благовест. – 1990. – №4. – С. 7–8.
3. Игнатьев В. Евгений Васильевич Кудряшов // Кудряшов Е.В. Солигалич. – Л. : Художник РСФСР, 1987.
4. Интервью А.А. Анохина с В.Н. Бочковым. 18 апреля, 24 августа 1990 г. // Костромская старина. – 2007. – № 20. – С.12–24.
5. Кильдышев А.В. Фрески церкви Воскресения на Дебре: «История мироздания» и «Апокалипсис» в росписях галерей церкви Воскресения на Дебре в Костроме (1650–1652). – Кострома : ЭКСМИ, 1996.
6. Кудряшов Е.В. Архитектурный ансамбль центра Костромы / НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Костромской области; публ. И.Ю. Кондратьевой. – Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд., 1992.
7. Кудряшов Е.В. Костромское каменное зодчество XVII века: Его особенности и пути развития: автореф. дис... канд. искусствоведения. – М. : М-во культуры СССР; НИИ искусствоведения, 1975.
8. Кудряшов Е.В. Художественная культура Костромского края XVI–XIX вв. / Комитет по охране и использованию историко-культурного наследия администрации Костромской области; сост. и коммент. И.Ю. Кондратьевой. – Кострома : Обл. тип. им. М. Горького, 2004.
9. Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР: Костромская область. – М., 1976. (Труды / Научно-исследовательский институт культуры. – Вып. 34).
10. Памятники архитектуры Костромской области: каталог / Комитет по делам культуры и искусства адм. Костромской обл.; НПЦ по сохранению, реставрации и использованию историко-культурного наследия; В.П. Выголов, С.С. Каткова, И.Ю. Кондратьева, Г.К. Смирнов, Е.Б. Щеболева. – Вып. 1. Г. Кострома. – Ч. 1–3. – Кострома, 1996–1998.
11. Пиксанов Н.К. Областные культурные гнезда. Историко-краеведный семинар / Н.К. Пиксанов. – М.-Л. : Красный пролетарий, 1928.
12. Почетные граждане Костромы: 1967–2001 годы. – Кострома, 2002.

REGIONAL STUDIES IN A LIFE OF A KOSTROMA'S CULTURAL NEST. THE END OF 1950–1970**L.I. Sizintseva**

The definition “regional studies” but at the beginning of the XX century meant a composite study of a territory. One of the methods of regional studies was the so-called method of studying “regional cultural nests”. It was proposed at the beginning of 1910 by N. K. Pksanov. Talking about Kostroma in the end of 1950 – 1970, we could say, that a significant place in the city’s cultural life was taken by studying the “present” and the “past” of the region. The research allows to fill up the conception with a one more type of relationship between the center and the cultural nest: the cultural life of a place could be enriched by provincials, which educated in capital universities.

Cultural nest, Kostroma, regional studies, «thaw», «stagnation».

Статья поступила 14.04.2011

УДК 008

ОЛЬГА ВИКТОРОВНА ГРИГОРОВА – НОСИТЕЛЬ РОДОВОГО МИФА*Е.П. Ращевская, И.А. Доткаева*

Настоящее исследование – первая попытка законченного и целостного культурбиографического очерка, посвященного Ольге Викторовне Григоровой.

Дворянский род, миф, мифологизм (мировоззренческая ориентация на миф), духовные устои, духовное совершенствование, православная вера, жизненный уклад, убеждения, мужество, честь, любовь.

Ольга Викторовна Григорова (1904–1997) – представитель древнего дворянского рода Григоровых, связанного с Костромской землей, двоюродная сестра и большой друг Александра Александровича Григорова (1904–1989), краеведа, генеалoga, историка, почетного жителя г. Костромы